

ПОСТИЖЕНИЕ СУЩНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ»

В 60-е–70-е годы XX века в период кризиса «оттепели» в литературе зародилось течение, ориентированное на поиск глубинных основ народной жизни. Обращение к истокам народной культуры несло в себе идею нравственно-религиозного обновления, которая в определенном смысле была противопоставлена дискредитировавшей себя государственной идеологии. И русские, и белорусские писатели-«деревенщики», преодолев каноны соцреалистического метода, начинают в своих произведениях поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать духовные основы национального характера. «Деревенская проза» в своем развитии претерпевает несколько этапов. Во второй половине 1950-х годов становится очевидно, что официальная советская литература далека от правдивого изображения послевоенной деревни. Одним из первых эту проблему поднял Ф. Абрамов в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе» (1954) [1]. Не случайно в эти годы появляется ряд произведений, отличающихся особой публицистичностью и социальной заостренностью конфликтов, основная цель которых – показать истинное положение дел в колхозе, «вскрыть» болевые точки. Отражение социально-экономического кризиса деревни стало предпосылкой для размышления о кризисе духовном, для поиска нравственных основ человеческого бытия. В литературе 1960-х годов происходит своего рода идеализация народной жизни. Залог нравственного возрождения виделся в «естественной» жизни в гармонии с природой, в традиционном патриархальном укладе, хранителем которого оставалось крестьянство даже после варварского разрушения общинного мира.

В нашей работе мы остановимся на повестях И. Пташникова «Іллюк Чачык» (1957) и В. Белова «Привычное дело» (1966). Эти произведения стали этапными для своих создателей и знаковыми для развития «деревенской прозы» в национальных литературах. И. Пташников и В. Белов социальный конфликт обозначают достаточно остро. Причины экономического кризиса деревни оба прозаика объясняют не только ошибками власти в области сельского хозяйства: в обоих произведениях есть упоминание о времени «великого перелома» – именно коллективизация стала причиной разрушения традиционного уклада народной жизни. Однако при всей остроте социальной проблематики в повестях И. Пташникова и В. Белова она служит фоном для развития основного конфликта – нравственно-психологического. Социальные аспекты как бы интровертируются, являясь поводом для поиска внутренней, глубинной опоры не в советской государственности, а в духовном мире человека. Отметим при этом, что герои

анализируемых повестей проделывают нелегкий путь нравственных исканий, преодоления духовного надлома, путь к пониманию самих себя. И не каждому этот путь оказывается под силу.

В нравственном смысле путь Ивана Дрынова и Ильи Чачика в повестях В. Белова и И. Пташникова начинается из одной «точки отсчета», но для первого героя этот путь становится путем эволюции, а для второго – деградации. «Привычное дело» открывается «размышлениями» Ивана Дрынова о том, что пьянство – в определенном смысле национальная черта русского человека, оправданная образом его жизни. Но нормой подобное поведение даже для безгрешного Ивана Африкановича оказывается только на первый взгляд. После – просыпается чувство вины, наступает мучительное раскаяние, приходит понимание того, что искать утешения в выпивке – не выход. Несколько иначе осмысливается проблема пьянства на селе в повести И. Пташникова «Иллюк Чачык». Спиртное становится разменной монетой, способом решения любых «административных» вопросов. Устойчивая тяга к выпивке свидетельствует о необратимой деградации героя.

Иван Дрынов отличается от Чачика в первую очередь тем, что тяжелая послевоенная действительность, зачастую толкающая героя на неблагоприятные поступки, не убивает в нем главного качества, свойственного лучшим представителям русского крестьянства – совестливости, глубинной нравственной чистоты. И оттого так мучительно подчиняется Иван Африканович обстоятельствам, вынуждающим его пойти против собственной совести, такое острое чувство стыда испытывает он, уличенный на незаконном покосе: «Забыл надеть шапку и с великим стыдом, качая головой, вышел на крыльцо. Ему было до того неловко, совестно, что уши долго еще горели. Словно ошпаренные самоварным кипятком» [2, с. 64].

Безусловной ценностью в патриархальном крестьянском мире считалась семья. Семейные взаимоотношения были мерилом самостоятельности (самодостаточности) личности. Исторические события первой половины XX века разрушили патриархальные устои, но даже в новых социально-экономических условиях семья продолжала осмысливаться как величайшая ценность. Духовную состоятельность своих героев В. Белов и И. Пташников проверяют семейным укладом, отношением к традиционным семейным ценностям. Семью Дрыновых трудно назвать патриархальной: держится она на женских плечах Катерины и ее матери Евстолии. Любовь Ивана Африкановича к жене граничит с беспомощностью. Он нуждается в ней, как ребенок в матери. Тем не менее, семейные отношения строятся на взаимной «горячей» [2, с. 24] любви, понимании и прощении. Именно осознание ответственности за семью и детей поможет Ивану Африкановичу в финале повести преодолеть созерцательность и прийти к миропониманию. В отличие от Ивана Африкановича, Чачик проверку семейными ценностями не выдерживает. Пьянство и бесхозяйственность героя приводят к разладу и взаимному неуважению. Давняя и тайная симпатия

Чачика к Гилене, из-за которой «Чачык, можна сказаць, і прыйшоў сюды ў прымы з суседняй вёскі» [3, с. 143], не находит своего развития. Причиной тому вновь оказывается недостойное поведение героя.

Помимо семейных идеалов основой народной нравственности выступает любовь к родной земле, к созидательному труду на ней, привязанность к своим корням, к малой родине. Иван Африканович, как истинный крестьянин, не может оставаться равнодушным при виде колхозного запустения: «У Ивана Африкановича болела душа при виде пыльного, поросшего молочником поля, вспаханные места были не намного черней не-вспаханных» [2, с. 84]. Главный герой повести «Іллюк Чачык» проводит четкую границу между понятиями «свое» и «колхозное». И. Пташников изображает психологию человека, озлобленного, утратившего веру во власть и официальную идеологию. Подобное художественное решение можно назвать новаторским для «бесконфликтной» советской литературы.

В начале повести образ конюха Чачика представляется двойственным. Герой словно находится на распутье и окончательный выбор своего пути ему еще предстоит сделать. Не только у читателей, но и у председателя колхоза Кузнецова теплится надежда на то, что болтун и сплетник Чачик сумеет осознать двусмысленность своего положения. Но вместо обращения к собственной совести и обретения внутренней гармонии с окружающими Чачик окончательно ожесточается, в своих неудачах винит кого угодно, но не себя, испытывает желание отомстить рачительному хозяину, бригадиру Петру Лучинку. Путь Чачика – путь нравственного разложения, потери себя.

Однако при внимательном прочтении повести И. Пташникова возникает мысль о том, что образ Чачика – это не только образ «лишнего» человека в возрождающемся советском колхозе. Именно Чачик напоминает Петру Лучинку о событиях коллективизации, затронувших семью нынешнего бригадира. Из уст Чачика звучат слова о «пустых» трудоднях, которые позволяют усомниться в результативности работы в колхозе. Он же высказывает и недоверие районному начальству. Можно предположить, что, не решаясь во второй половине 1950-х годов в открытую обозначить проблемы советской деревни, автор повести «делегирует» эту задачу своему герою, далеко не идеальному колхознику, человеку, утратившему духовную опору.

Итогом эстетических исканий В. Белова в середине 1960-х годов становится образ героя, которому удастся выйти через страдания к попытке постижения мира. На протяжении всего повествования писатель не раз характеризует отношение русского крестьянина к своей личности, к своей судьбе как созерцательное или даже равнодушное. Вполне естественными оказываются в повести контекстуальные параллели мировосприятия Ивана Дрынова и его жены Катерины с неосознанностью их младшего, шестинедельного сына или «жизнеописанием» коровы Рогули. Очевидно, что жизненный путь Ивана Дрынова выступает здесь отражением исторического пути всего русского крестьянства, судьбу которого «решали всегда без не-

го». Любовь к родной земле и преданность ей, совестливость и нравственная чуткость и в то же время неспособность к волевым решениям – в этом кроется неоднозначность народного характера. Правда, В. Белов замечает, что созерцательность и податливость русского человека в критической ситуации уступает место отчаянной решимости, стихийному, устрашающему бунту против насилия. Писатель уверен: народ можно согнуть, но нельзя сломать, истребить. Способность человека к духовному возрождению, к продолжению «привычного дела» жизни сродни природному круговороту, которому нет конца. Повествовательная структура повести, как и жизнь русского крестьянина, подчинена этому круговороту. Осознание жизни как величайшей ценности и непротивление ее естественным законам помогает герою понять свое предназначение в мире.

Таким образом, и русский, и белорусский писатели обращаются к исследованию социальных и нравственных проблем послевоенной деревни. Прозаиков прежде всего волнует вопрос о морально-этических основах народной жизни. В. Белов и И. Пташников убеждены, что хранителем этих основ традиционно выступает крестьянство. Однако, создавая образы главных героев своих произведений, писатели далеки от идеализации. И. Пташников изображает деградацию человека, разуверившегося не только в государственной системе, но (что гораздо трагичнее) утратившего моральные ориентиры, отказавшегося от важнейших нравственных ценностей. Герой повести В. Белова, пройдя через страдания и оказавшись на грани гибели физической и духовной, осознает главное – ценность человеческой жизни, а значит, находит путь к возрождению.

Литература

1. Абрамов, Ф.А. Люди колхозной деревни в послевоенной литературе / Ф.А. Абрамов // Новый мир. – 1954. – № 3. – С. 210–231.
2. Белов, В.И. Повести и рассказы / В.И. Белов. – М. : Худож. лит, 1984. – 543 с.
3. Пташнікаў, І.М. Зерне падае не на камень. Зборнік апавесцей і апавяданняў / І.М. Пташнікаў. – Мінск : Дзяржвыд. БССР, 1959. – 250 с.